

Церковные часы пробили два, когда она вышла из метро на улицу Вольмар-Юкскульсгатан. Она остановилась, закурила сигарету и быстро зашагала дальше, к площади Мариаторьет.

Дрожащий колокольный звон напомнил ей о безрадостных воскресных днях детства. Она родилась и выросла всего в нескольких кварталах от церкви Марии, где ее крестили и почти двенадцать лет назад конфирмовали. От всей процедуры перед конфирмацией ей запомнилось только одно: как она спросила священника, что подразумевал Стриндберг, говоря о «тоскующем дисканте» колоколов на церкви Марии¹. Память не сохранила ответа.

Солнце пекло ей спину, и, миновав Санкт-Паульсгатан, она сбавила шаг, чтобы не вспотеть. Почувствовала вдруг, как расшалились нервы, и пожалела, что перед выходом из дома не приняла успокоительное.

Подойдя к фонтану посередине площади, она смочила в холодной воде носовой платок и села на скамейку в тени деревьев. Сняла очки, быстро вытерла лицо мокрым платком, потом протерла уголком голубой рубашки очки и снова надела их. Большие зеркальные стекла закрывали верхнюю часть лица. Сняв синюю широкополую шляпу из джинсовой ткани, она

¹ Аллюзия на роман шведского писателя и драматурга Августа Стриндберга «Красная комната» (1879). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.)

подняла длинные, до плеч, светлые волосы и вытерла шею. Снова надела шляпу, надвинула ее на лоб и замерла, сжимая платок руками.

Немного погодя она расстелила платок рядом с собой на скамейке и вытерла ладони о джинсы. Посмотрела на свои часы — двенадцать минут третьего — и дала себе еще три минуты на то, чтобы успокоиться.

Когда куранты пробили четверть, она открыла темно-зеленую парусиновую сумку с кожаным ремнем, которая лежала у нее на коленях, взяла со скамейки высохший платок и сунула, не складывая, в сумку. Встала, повесила сумку на правое плечо и зашагала к Хорнsgатан. Понемногу ей удалось справиться с нервами, и она сказала себе, что все должно получиться, как задумано.

Пятница, 30 июня, для многих уже начался летний отпуск. На Хорнsgатан царило оживление — машины, прохожие. Свернув с площади налево, она оказалась в тени домов.

Она надеялась, что верно выбрала день. Все плюсы и минусы взвешены, в крайнем случае придется отложить операцию до следующей недели. Конечно, ничего страшного, и все-таки не хочется терзать себя ожиданием.

Она пришла раньше времени и, оставаясь на теневой стороне, посмотрела через улицу на большое окно. Чистое стекло пестрело солнечными бликами, пронесившиеся мимо машины тоже мешали, но она разглядела, что шторы опущены.

Она стала медленно прохаживаться по тротуару, делая вид, что ее занимают витрины. Хотя перед часовым магазином поодаль висел большой циферблат, она поминутно глядела на свои часы. И внимательно следила за дверью через улицу.

Без пяти три она направилась к переходу на углу и через четыре минуты очутилась перед дверью банка.

Прежде чем войти, она открыла замок парусиновой сумки, потом толкнула дверь.

Перед ней был длинный прямоугольник зала, в котором располагался филиал известного крупного банка. Дверь и единственное окно образовывали одну короткую сторону, справа от окна до противоположной стены тянулась стойка, часть левой стены занимали четыре конторки, дальше стоял низкий круглый стол и два табурета с обивкой в красную клетку, а в самом углу вниз уходила крутая винтовая лестница, очевидно ведущая к абонентским ящикам и сейфу.

В зале был только один клиент, он стоял перед стойкой, складывая в портфель деньги и документы.

За стойкой сидели две женщины; третий служащий, мужчина, рылся в картотеке.

Она подошла к конторке и достала из наружного кармана сумки ручку, следя уголком глаза за клиентом, который направился к выходу. Взяла бланк и принялась чертить на нем каракули. Вскоре служащий подошел к двойным дверям и захлопнул на замок наружную часть. Потом он наклонился, поднял щеколду, удерживающую внутреннюю часть, и вернулся на свое место, провожаемый тихим вздохом закрывающейся двери.

Она взяла из сумки платок, поднесла его левой рукой к носу, как будто сморкаясь, и пошла с бланком к стойке.

Дойдя до кассы, сунула бланк в сумку, достала плотную нейлоновую сетку, положила ее на стойку, выхватила пистолет, навела его на кассиршу и, не отнимая ото рта платок, сказала:

— Ограбление. Пистолет заряжен, в случае сопротивления буду стрелять. Положите все наличные деньги в эту сетку.

Испуганно глядя на нее, кассирша осторожно взяла сетку и положила перед собой. Вторая женщина,

которая в это время поправляла прическу, замерла, потом робко опустила руки. Открыла рот, как будто хотела что-то сказать, но не произнесла ни слова. Мужчина, стоявший у письменного стола, сделал резкое движение, она тотчас направила пистолет на него и крикнула:

— Ни с места! И руки повыше, чтобы я их видела! — Потом опять пригрозила пистолетом остолбеневшей кассирше. — Поживее! Все кладите!

Кассирша торопливо набила пачками сетку и положила ее на стойку. Мужчина вдруг заговорил:

— Все равно у вас ничего не выйдет. Полиция...

— Молчать! — крикнула она.

Бросив платок в парусиновую сумку, она схватила сетку и ощутила в руке приятную тяжесть. Затем, продолжая угрожать служащим пистолетом, стала медленно отступать к двери.

Неожиданно кто-то метнулся к ней от лестницы в углу зала. Долговязый блондин в отутюженных белых брюках и в синем пиджаке с блестящими пуговицами и большим золотым вензелем на нагрудном кармане.

По залу раскатился грохот, ее руку дернуло вверх, блондин с вензелем качнулся назад, и она увидела, что на нем совсем новые белые туфли с красной рифленной резиновой подошвой. Лишь когда его голова с отвратительным глухим стуком ударилась о каменный пол, до нее вдруг дошло, что она его застрелила.

Она швырнула пистолет в сумку, кинула безумный взгляд на объятых ужасом служащих и бросилась к двери. Возясь с замком, успела подумать: «Спокойно, я должна идти спокойно», — но, выскочив на улицу, устремилась к переулку чуть не бегом.

Она не различала прохожих, только чувствовала, что кого-то толкает, а в ушах ее по-прежнему стоял грохот выстрела.

Завернув за угол, она побежала, крепко держа сетку в руке; парусиновая сумка колотила ее по бедру. Вот и дом, где она жила ребенком. Она рванула дверь знакомого подъезда и пробежала мимо лестницы во двор. Заставила себя умерить шаг и через подъезд флигеля прошла на следующий двор. Спустилась по крутой лестнице в подвал и села на нижней ступеньке.

Сначала она попыталась запихнуть сетку поверх пистолета в парусиновую сумку, но сетка не влезала. Тогда она сняла шляпу, очки и светлый парик и сунула их в сумку. Ее собственные волосы были темные, коротко стриженные. Она встала, расстегнула рубашку, сняла и тоже уложила в сумку. Под верхней рубашкой на ней была черная футболка. Она повесила сумку на левое плечо, взяла сетку и поднялась по лестнице. Пересекла двор, миновала еще несколько подворотен и дворов, перелезла через две или три ограды и наконец очутилась на улице в другом конце квартала.

Она зашла в продовольственный магазин, взяла два литра молока и вместительную хозяйственную сумку из пластика, сунула в нее свою черную сетку, а сверху положила оба пакета с молоком.

Потом направилась к станции метро Слюссен и поехала домой.

2

Гунвальд Ларссон прибыл на место преступления на своей сугубо личной машине. Она была красного цвета, редкой для Швеции марки «EMW»¹, и многие считали ее чересчур роскошной для обыкновенного старшего

¹ «EMW» — марка восточногерманских автомобилей на основе «BMW», выпускавшихся на заводе в Айзенахе.

криминального ассистента, тем более когда речь шла о служебных поездках.

В этот ясный солнечный день он уже сел за руль, чтобы ехать домой, в Больмору, когда Эйнар Рённ выбежал во двор полицейского управления и разрушил его мечты о тихом вечере у себя дома. Эйнар Рённ тоже был старшим криминальным ассистентом уголовной полиции и, сверх того, пожалуй, единственным другом Гунвальда Ларссона, так что его сочувствие Гунвальду, вынужденному пожертвовать свободным вечером, было вполне искренним.

Рённ выехал на Хорнгатан на служебной машине. Когда он добрался до банка, там уже были сотрудники ближайшего участка, а Гунвальд успел даже приступить к опросу служащих.

У дверей банка теснился народ, и, когда Рённ ступил на тротуар, один из полицейских, сверливших глазами зевак, обратился к нему:

— У меня тут есть свидетели, которые говорят, будто слышали выстрел. Как с ними быть?

— Попросите их задержаться, — ответил Рённ. — А остальным лучше разойтись.

Полицейский кивнул, и Рённ вошел в банк.

На мраморном полу между стойкой и конторками лежал убитый. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в колене левую ногу. Штанина задралась, ниже ее белел орлоновый носок с темно-синим якорьком и поблескивала светлыми волосками загорелая нога. Пуля попала в лицо, и от затылка по полу растеклась густая кровь с примесью мозгового вещества.

Служащие сидели за стойкой, в дальнем углу. Гунвальд Ларссон примостился перед ними на краю стола. Он записывал в блокнот показания, которые звенящим от волнения голосом давала одна из женщин.

Заметив Рённа, Гунвальд Ларссон поднял широченную правую ладонь, и женщина смолкла на полу-

слове. Гунвальд Ларссон встал, откинул перекладину в стойке, подошел с блокнотом к Рённу и указал кивком на убитого:

— Ишь, как его отделали. Останешься здесь? А я потолкую со свидетелями... скажем, во втором участке на Розенлундсгатан. Чтобы вы могли работать тут без помех.

Рённ кивнул.

— Говорят, это какая-то девчонка, — сказал он. — И унесла денежки. Кто-нибудь видел, куда она подалась?

— Во всяком случае, никто из служащих, — ответил Гунвальд Ларссон. — Один парень на улице заметил машину, которая рванула с места, но не обратил внимания на номер и насчет марки не уверен, так что от него мало проку. Но я потом еще потолкую с ним.

— А этот кто такой? — Рённ показал на убитого.

— Болван какой-то, вздумал разыграть героя, схватить грабителя. А она, понятное дело, с испугу взяла да выстрелила. Здешний персонал знает его, постоянный клиент. У него внизу абонентский ящик, и черт дернул его подняться именно в эту минуту. — Гунвальд Ларссон заглянул в блокнот. — Преподаватель гимнастики, фамилия — Гордон.

— Не иначе вообразил себя Гордоном-Молнией¹, — хмыкнул Рённ.

Гунвальд Ларссон пристально поглядел на него. Рённ покраснел и поспешил переменить тему:

— Ничего, мы найдем портрет грабителя в этой штуке. — Он показал на укрепленную под потолком кинокамеру.

¹ Имеется в виду Флэш *Гордон* — популярный герой американских комиксов 1930–1940-х годов, созданный художником Алексом Реймондом.

— Если не забыли пленку зарядить и резкость навести, — скептически произнес Гунвальд Ларссон. — И если кассирша кнопку нажала.

Большинство банковских отделений теперь были оснащены кинокамерами, которые автоматически включались, когда дежурный кассир нажимал ногой кнопку в полу, — единственная мера, предписанная персоналу на случай появлений грабителей. С некоторых пор вооруженные налеты участились, и тогда начальство распорядилось, чтобы служащие не подвергали себя опасности, не пытались помешать налетчикам или задержать их, а сразу выдавали деньги. Однако было бы неверно думать, что такое решение вызвано заботой о персонале и прочими гуманными соображениями: просто опыт показал, что в конечном счете банкам и страховым обществам это выгоднее, чем выплачивать компенсацию пострадавшим, а то и пожизненное пособие семьям погибших.

Приехал судебный врач, и Рённ пошел к своей машине за оперативной сумкой. Он работал по старинке, но нередко с успехом. Гунвальд Ларссон отправился в полицейский участок на Розенлундсгатан, захватив с собой троих служащих и еще четверых свидетелей, которые вызвались дать показания.

Ему отвели помещение, он снял замшевую куртку, повесил ее на спинку стула и приступил к предварительному опросу.

Показания троих служащих банка совпадали, зато остальные четыре свидетельства сильно расходились.

Первым из четырех был мужчина сорока двух лет, который находился в подъезде метрах в пяти от банка, когда прозвучал выстрел. Он видел, как по улице пробежала девушка в черной шляпе и зеркальных очках. А когда он примерно через полминуты выглянул из подъезда, метрах в пятнадцати от него рванула

с места зеленая легковая машина — как ему показалось, «опель». Машина умчалась в сторону Хорнсплан, и вроде бы девушка в черной шляпе сидела на заднем сиденье. Номера он не рассмотрел, а буквы, кажется, «АВ».

Следующая свидетельница, владелица небольшого магазина рядом с банком, стояла в дверях своей лавки и вдруг услышала громкий хлопок. Сперва ей почудилось, что хлопнуло в кухоньке за торговым помещением, и она побежала туда: думала, газ взорвался. Убедившись, что плита в порядке, она вернулась к двери. Выглянула на улицу и увидела, как большая синяя машина развернулась посреди улицы, только шины завизжали. В ту же минуту из банка выбежала женщина и закричала, что человека застрелили. Свидетельница не видела, кто сидел в машине, номера не запомнила, в марках машин не разбиралась. Что-то похожее на такси.

Третий свидетель, рабочий-металлист тридцати двух лет, дал более подробные показания. Он не слышал выстрела, во всяком случае, не обратил на него внимания. Шел по улице, вдруг из банка выскочила девушка. Она торопилась и, проходя мимо, толкнула его. Лица он не разглядел. Возраст — лет около тридцати. На ней были синие брюки, синяя рубашка, шляпа, в руке она держала темную сумку. Он видел, как она подошла к машине с буквой «А» и двумя тройками в номере. Машина — «Рено-16», светло-бежевая. За рулем сидел худощавый мужчина лет двадцати — двадцати пяти. У него длинные, косматые черные волосы, белая футболка, очень бледное лицо. Второй мужчина, постарше, стоял на тротуаре рядом с машиной. Он открыл девушке заднюю дверцу, потом закрыл и сел рядом с водителем. Плечистый, рост около ста восьмидесяти сантиметров, волосы пепельные,

курчавые, очень пышные, румяное лицо. Одет в черные расклешенные брюки и черную рубашку из какого-то блестящего материала. Машина развернулась и ушла в сторону Слюссена¹.

Показания рабочего привели Гунвальда Ларссона в замешательство, и он прочел свою запись еще раз, прежде чем пригласить последнего свидетеля.

Это был пятидесятилетний часовщик, он сидел в своей машине перед самым банком и ждал жену, которая зашла в обувной магазин через улицу. Боковое окошко было опущено, и он слышал выстрел, но не понял, в чем дело: на Хорнстатан большое движение, всяких шумов хватает. В пять минут четвертого из банка вышла женщина. Он обратил на нее внимание, потому что она очень спешила, толкнула пожилую даму и даже не извинилась. Он еще подумал, как это типично для стокгольмцев — вечно торопятся и до других им дела нет. Сам он из Сёдертелье². Женщина была в брюках, на голове — что-то вроде ковбойской шляпы, в руке она держала черную сетку. Добежала до угла и свернула в переулок. Нет, она не садилась ни в какую машину и не останавливалась по пути, проследовала напрямик до угла и скрылась.

Гунвальд Ларссон передал по телефону в управление приметы обоих пассажиров «рено», затем поднялся, собрал свои бумаги и поглядел на часы. Уже шесть...

И скорее всего, он трудился впустую.

Данные насчет машин давно сообщены полицейскими, которые первыми прибыли на место.

К тому же в свидетельских показаниях слишком много расхождений.

¹ *Слюссен* — здесь: крупная автомобильная развязка в центре Стокгольма.

² *Сёдертелье* — пригород Стокгольма.

Словом, все коту под хвост. Как обычно.

Может быть, еще поработать с тем свидетелем, который потолковее? Да нет, не стоит. Всем им явно не терпится поскорее отправиться домой.

По правде говоря, больше всех не терпелось уехать домой ему самому.

Да только на это теперь нечего надеяться.

Гунвальд Ларссон отпустил свидетелей, надел куртку и вернулся к банку.

Останки доблестного учителя гимнастики уже увезли, но из патрульной машины вышел молодой полицейский и доложил, что старший криминальный ассистент Рённ ждет старшего криминального ассистента Ларссона у себя в кабинете.

Гунвальд Ларссон вздохнул и пошел к своей машине.

З

Он открыл глаза и удивился — живой...

И в этом не было ничего нового, вот уже пятнадцать месяцев он каждое утро, проснувшись, недоуменно спрашивал себя:

«Как же я жив остался?»

И второй вопрос:

«Почему так вышло?»

Перед тем как проснуться, он видел сон. Этому сну тоже год и три месяца.

Только частности меняются, суть все та же.

Он скачет на коне. Мчится галопом, пригнувшись к холке, и холодный ветер треплет ему волосы.

Потом бежит по вокзальному перрону. Впереди — человек с пистолетом в руке. Он знает этого человека,

знает, что сейчас будет. Это Шарль Гито¹, у него спортивный пистолет марки «хаммерли интернэшнл».

Гито нажимает спуск, а он в ту же секунду бросается наперехват и принимает выстрел на себя. Удар в грудь, как от кувалды... Он пожертвовал собой. И уже очевидно, что жертва была напрасной. Президент лежит навзничь, блестящий цилиндр слетел с головы и катится по земле, описывая полукруг...

Он просыпается, как всегда, в тот момент, когда в него попадает пуля. Сначала все черно, мозг опалает волна жгучего пламени, затем он открывает глаза.

Мартин Бек лежал дома на кровати и смотрел в потолок. В комнате было светло.

Он размышлял о своем сне. Дурацкий сон, а эта версия — особенно.

И слишком много несуразицы. Взять, например, оружие: при чем тут спортивный пистолет, когда должен быть револьвер, на худой конец — «дерринджер»?² И почему Гарфилд оказался смертельно раненным, ведь Мартин Бек принял пулю на себя?

Он не знал, как выглядел убийца на самом деле. Может, и видел когда-нибудь портрет, но память никаких примет не сохранила. В его снах Гито чаще всего был голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками, но сегодня он больше всего напоминал какого-то известного киноактера.

Ну конечно — Джон Кэрредин³ в роли шулера из «Дилижанса»⁴.

¹ *Шарль Гито* (1841–1882) — американский проповедник, который в июле 1881 года смертельно ранил двадцатого президента США — Джеймса Гарфилда. (*Примеч. перев.*)

² Из пистолета марки «дерринджер» был убит другой американский президент — Авраам Линкольн.

³ *Джон Кэрредин* (настоящее имя — Ричмонд Рид Кэрредин) (1906–1988) — американский актер театра и кино.

⁴ «*Дилижанс*» (1939) — фильм американского режиссера Джона Форда в жанре вестерн.

Одним словом, сплошная романтика.

Впрочем, пуля в груди — отнюдь не романтика. Он знал это по собственному опыту. Если пуля, пройдя правое легкое, застрянет рядом с позвоночником, она временами вызывает острую боль и вообще основательно докучает человеку.

Но были и вполне реалистичные детали в этом сне. Например, спортивный пистолет. На самом деле его держал в руке бывший полицейский, голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками. Они встретились на крыше дома под холодным весенним небом. Весь обмен мнениями свелся к пистолетному выстрелу.

Вечером того же дня он очнулся в комнате с белыми стенами, точнее, в отделении торакальной хирургии Каролинской больницы. И хотя ему сказали, что рана не смертельная, он с удивлением спрашивал себя, как это вышло, что он остался жив.

Потом ему сказали, что рана уже не угрожает жизни, однако пуля неудачно расположена. Он понял тонкость намека, заключенного в словечке «уже», но не оценил его. Хирурги не одну неделю штудировали рентгеновские снимки, прежде чем извлекли из его груди чужеродное тело. После этого ему объявили, что теперь опасность окончательно миновала. Он совершенно оправится при условии, что будет вести спокойный, размеренный образ жизни. Да только к тому времени он перестал им верить.

Тем не менее он вел спокойный, размеренный образ жизни. Собственно, у него не было выбора.

Теперь его уверяют, что он совершенно оправился. Правда, опять с небольшим добавлением: физически.

Кроме того, ему не следует курить. Он и раньше-то не мог похвастаться хорошими бронхами, а тут еще и легкое прострелено. После заживления вокруг

рубцов отмечены какие-то подозрительные тени. Ладно, пора вставать.

Мартин Бек прошел через гостиную в холл и поднял газету с коврика у двери. По пути на кухню пробежал глазами заголовки на первой странице. Погода хорошая, и метеорологи обещают, что она еще продержится. В остальном ничего отрадного, как обычно.

Он положил газету на стол, достал из холодильника пакет йогурта и выпил. М-да, вкусным его не назовешь, как всегда, отдает чем-то затхлым, ненатуральным. Должно быть, срок хранения истек еще в магазине. Давно прошли те времена, когда в Стокгольме можно было без особого труда и не слишком переплачивая купить что-нибудь свежее.

Теперь — в ванную. Умывшись и почистив зубы, он вернулся в спальню, убрал постель, снял пижамные штаны и начал одеваться.

Глаза его равнодушно скользили по комнате. Большинство стокгольмцев сказали бы, что у него не квартира — мечта. Верхний этаж дома на Чёпмангатан в Старом городе, три с лишним года, как вселился. И он хорошо помнил, как славно ему жилось вплоть до той злополучной стычки на крыше.

Теперь он чаще всего чувствует себя как в одиночке, даже когда его кто-нибудь навещает. И квартира тут, пожалуй, ни при чем — в последнее время он и на улице подчас чувствует себя как в заточении.

Что-то беспокойно на душе, сейчас бы сигарету. Правда, врачи сказали, что ему надо бросить курить, но мало ли что врачи говорят. Хуже то, что национальная табачная компания перестала выпускать его любимую марку, а папирос теперь вообще не купишь. Два-три раза пробовал другие марки — но так и не смог привыкнуть.

Сегодня Мартин Бек одевался особенно тщательно. Повязывая галстук, он безучастно разглядывал

модели на полке над кроватью. Три корабля, два совсем готовые, один собран наполовину. Увлечение началось лет восемь назад, но с того апрельского дня прошлого года он ни разу не прикасался к моделям.

С тех пор они успели основательно запылиться.

Дочь много раз вызывалась протереть корабли, но он упросил ее не трогать их.

Половина восьмого, понедельник, 3 июля 1972 года.

Не простой день, особенный.

Сегодня он вновь приступает к работе.

Ведь он по-прежнему полицейский, точнее, комиссар государственной комиссии по расследованию убийств.

Мартин Бек надел пиджак и сунул газету в карман, с тем чтобы прочесть ее в метро. Еще одна частица привычного распорядка, к которому предстоит вернуться.

Идя вдоль Шеппсбрун под яркими лучами солнца, он вдыхал отравленный воздух. И чувствовал себя обессиленным стариком.

Внешне это никак не выражалось. Напротив, он выглядел бодрым, сильным, двигался быстро и ловко. Высокий загорелый мужчина, энергичная челюсть, широкий лоб, спокойные серо-голубые глаза.

Мартину Беку исполнилось сорок девять. До пятидесятого дня рождения оставалось немного, но большинство считали, что он выглядит моложе.

4

Кабинет в здании на Вестберга-алле красноречиво свидетельствовал, что кто-то другой долго исполнял обязанности руководителя комиссии по расследованию убийств.

Конечно, кабинет был тщательно убран, и чья-то заботливая рука даже поставила на письменном столе вазу с васильками и ромашками, и все-таки давали себя знать отсутствие педантизма и явная склонность к милому беспорядку.

Особенно в ящиках письменного стола.

Вне всякого сомнения, кто-то совсем недавно извлек из них кучу предметов, но кое-что осталось. Например, квитанции за такси, старые билеты в кино, исписанные шариковые ручки, коробочки из-под пилюль. На канцелярских подносиках — цепочки из скрепок, круглые резинки, куски сахара, пакетики с заваркой... Две косметические салфетки, пачка бумажных носовых платков, три пустые гильзы, сломанные часы марки «Экзакта»...¹ Не говоря уже о многочисленных клочках бумаги с различными записями, сделанными крупным, четким почерком.

Мартин Бек уже обошел другие кабинеты, поздоровался с коллегами. Большинство были старые знакомые, но он увидел и немало новых лиц.

Теперь он сидел за письменным столом, изучая ручные часы. Они годились только в утиль, стекло запотело изнутри, а в корпусе, если встряхнуть, гремело так, словно весь механизм рассыпался.

В дверь постучали, и вошел Леннарт Кольберг.

— Привет, — сказал он. — Добро пожаловать.

— Спасибо. Твои часы?

— Ага, — мрачно подтвердил Кольберг. — Они побывали в стиральной машине. Забыл карманы опростать. — Он поглядел кругом и виновато добавил: — Честное слово, я начал прибираться в пятницу, но меня оторвали. Сам знаешь, как это бывает...

¹ Такой марки не существует. С пометой *Exacta* (букв. «точный») выпускались многие наручные часы, производившиеся в СССР на экспорт.

Мартин Бек кивнул. Кольберг чаще других навещал его в больнице и дома, поэтому никаких особых новостей сообщить друг другу они не могли.

— Худеешь?

— Еще как, — ответил Кольберг. — Утром взвешивался, уже полкило долой, было сто четыре, теперь сто три с половиной.

— Значит, на диете всего десять кило прибавил?

— Восемь с половиной, — возразил Кольберг с оскорбленным видом. Потом пожал плечами и добавил: — Черт-те что. Дурацкая затея. Гун только смеется надо мной. И Будиль тоже... А ты-то как себя чувствуешь?

— Хорошо.

Кольберг насупился, но ничего не сказал. Открыв свой портфель, он достал прозрачную папку из розового пластика. В папке лежало что-то вроде отчета, небольшого, страниц на тридцать.

— Что это у тебя?

— Считай, что подарок.

— От кого?

— Допустим, от меня. Вернее, не от меня, а от Гунвальда Ларссона и Рённа. Такие остряки, дальше ехать некуда. — Кольберг положил папку на стол. Потом добавил: — Извини, мне пора.

— Далеко?

— В ЦПУ.

Что означало: Центральное полицейское управление.

— Зачем?

— Да все эти чертовы ограбления банков.

— Но ведь этим специальная группа занимается.

— Спецгруппа нуждается в подкреплении. В пятницу опять какой-то болван на пулю нарвался.

— Знаю, читал.